

II. Проблемы восприятия «другого» – формы взаимодействия друг с другом

Ю.В. Костяшов

(Балтийский федеральный университет имени Г. Канта,
Калининград)

Сербы в Королевстве Венгрия глазами иностранцев

Abstract:

Kostyashov Y.V. *Serbs in the Kingdom of Hungary Viewed by Foreigners.*

Using diaries, travel stories and memoirs of the foreigners as a basis, the author describes the life of Serbs in Hungary from the 2nd half of the 17th to the beginning of 19th century. The impressions of British, Russian and German travelers permit to have an idea about the situation, occupations and lifestyle of Serbian colonists coming from Turkish-held areas and follow the process and the results of their 'Europeization' in their new homeland.

Ключевые слова: Венгрия, сербы, иностранцы, путешественники, граничары, XVII – XIX вв.

Вызванная турецким вторжением на Балканы и длившаяся несколько столетий миграция сербов на север привела к существенному расширению территории их расселения. К концу XVII в. сербские поселения оказались разбросанными на большом пространстве южных и центральных областей Венгрии, прежде всего на территории современной Воеводины. Посетивший эти земли в 1669 г. английский путешественник доктор Браун записал в своем дневнике, что здесь в основном говорят по-славянски, и «многие семьи и жители разных местечек живут под землей». Он имел в виду землянки, которые стали первым прибежищем для сербских переселенцев. Автор записок также заметил противоречивые, если не сказать враждебные, чувства, которые испытывали друг к другу сербы и венгры. При посещении Мохача он записал в дневнике: «Венгры и сербы хотя и живут в одной стране, но в жизни очень плохо ладят друг с другом»¹.

Переселенцы, осевшие в городах, образовали в них самостоятельные общины. Большая колония сербов появилась в Буде, где они заселили несколько кварталов, называвшихся «нижний город Табан», или «Сербская варош». Посетивший Буду в 1715 г. другой английский путешественник Симон Клемент насчитал до двух тысяч сербских домов, отметив, что «Сербская варош так многолюдна, что, говорят, насчитывает 20000 душ, среди которых есть много богатых людей. Сербы оказались рассеяны по этим краям и всегда живут отдельно от венгров и немцев, поселяясь по две или три семьи вместе в жалких и малых лачугах, чтобы всегда быть готовы-

ми в эти беспокойные времена двинуться в путь со своего места»².

Еще один англичанин Е. Милс, проезжавший по этим краям в 1736 г., так охарактеризовал сербов: «Они укрылись в Венгрии от турецкого насилия и чрезвычайно размножились, так что едва ли найдется хоть один город, особенно в Южной Венгрии, где бы они не жили в большом числе... Сербь суть большие невежды, священники понимают греческий, но не знают латинский. А народ не говорит ни на одном другом языке, кроме сербского, который является диалектом старославянского... Некоторые из них весьма богаты... Мужчины все черные, в два или три раза хуже венгров; будучи такими же ленивыми, они гораздо подлее и грубее. Они нечистоплотны и неряшливы, а священники выглядят хуже всякого из них»³.

Особенностью региона, бросающейся в глаза иностранцам, было то, что он был зоной разнообразных этнокультурных контактов. Помимо венгерского, славяно-сербского и немецкого начал, в нем заметную роль играли греческий, румынский, восточный (турецкий), еврейский и русский компоненты. Все они перемешивались, взаимодействовали, давая причудливую смесь, которая так поражала иностранцев. «А язык здесь, – писал в 1726 г. только что прибывший в эти края знаменитый русский учитель Максим Суворов, – турецко-немецко-греческо-сербский. Невозможно человеку ничего разобрать»⁴.

Занятия и образ жизни сербов

Хозяйство, занятия и нравы сербов (иллиров) подробно описаны австрийскими чиновниками Ф.В. Таубе⁵ и Ф. С. Энгелем⁶ на основании собственных впечатлений, которые были результатом их многомесячных путешествий по Южной Венгрии в 1776 и 1786 гг.

Таубе называет этот район «благословенной землей»: «...плодородие почвы здесь таково, что земле нужен только один лучик солнца, чтобы она уродилась всевозможными плодами... Часами можно ехать вдоль обработанных полей, на которых зреет столько пшеницы, кукурузы, проса, гороха, дынь и других плодов, что всю Германию в случае неурожая можно было ими снабдить в изобилии». Единственным недостатком этих мест Таубе считал слишком жаркий климат и нездоровый воздух в бассейнах больших рек: «Из-за этого здесь распространяется лихорадка, которая косит такое количество людей, особенно иностранцев, что Осиек и Петроварадин называют «могилой для немцев»⁷. По словам Ф. Энгеля, сербы живут в «так щедро наделенной Богом и природой земле, что здесь без особого труда и мучений произрастает все, что хоть немного потребно как для пропитания, так и для удобства человеческой жизни»⁸.

Основной отраслью сельского хозяйства у сербов было животноводство. «Коров и свиней, а также лошадей, ослов, овец и другую живность, – пишет Ф. Таубе, – иллиры ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью не загоняют в стойла», оставляя их «на милость волкам и медведям». Чуть подросших поросят просто загоняли в лес на пропитание: «Когда урожаем желудей большой..., в дубовых рощах все кишит от свиней. В это время ни одна собака не смеет в лесу показаться, так как ее свиньи просто растерзают. И даже проезжать через такие места на повозке не вполне безопасно»⁹.

Развитым было виноградарство, а Ф. Таубе заметил также, что сербы из всех плодовых деревьев отдают предпочтение сливам: «...из них изготавлиется специальная эссенция, которая под именем ракии или шливовицы (Raky oder Schlivavicza) является любимейшим каждодневным напитком иллиров в турецких и венгерских землях»¹⁰.

Местные власти предпринимали чрезвычайные усилия, чтобы приобщить сербских крестьян к шелководству: были созданы питомники по разведению тутовых деревьев, посадочный материал и семена раздавались бесплатно, также бесплатно проводилось обучение всех желающих способом выращивания шелковичного червя; в Славонии даже появились «фабрики по разматыванию шелка». Стремительное развитие шелководства Ф. Энгель связывал с его высокой доходностью, благодаря чему крестьяне имели дополнительный заработок. Ф. Таубе со свойственным ему сарказмом основную причину успеха усматривал в том, что «разведение червей не слишком обременяет крестьян и вполне соответствует исключительной природной лениости иллиров»¹¹.

«Все иллиры, – писал Таубе, – показывают огромный талант в торговых делах, в которых они весьма искусны, хотя и похожи немного в этом на евреев». Бурное развитие торговли он объяснял не только характером народа, но и благоприятным географическим положением населенных сербами земель, которые, по его словам, располагаются «на границе Турции и Венгрии, недалеко от Адриатического моря, с трех сторон их обрамляют три мощные судоходные реки, которые сливаясь несут свои воды в Черное море»¹².

Главным продуктом вывоза был скот. В качестве товара он имел то преимущество, что его можно было переправлять к месту продажи своим ходом. По наблюдениям Таубе, «большинство выращиваемых в Славонии волов гонят в Германию потихоньку (!), чтобы они в дороге не похудели». Он же сообщает, что на втором месте находятся свиньи, вывоз которых еще выгодней: «Пара хороших жирных свиней стоила в Славонии в 1777 г. от 30 до 34 фор., а в Вене продавалась по 40 фор. Но затраты и опасности в пути не малые. Многие свиньи по дороге болеют, калечатся идохнут, а то еще и умудряются сбежать, потому что остаются полудикими». Процветала и

транзитная торговля. Купленный в Белградском пашалыке скот переправлялся через несколько пограничных переходов на реке Саве, проходил карантин от 3 до 6 недель, чистился, осматривался ветеринаром, который давал разрешение на дальнейшую транспортировку. Обычно из Сербии ввозились тощие свиньи, мало чем отличавшиеся от диких вепрей. В Среме и Славонии они отмывались, откармливались и перегонялись дальше на север¹³. По сведениям Ф. Энгеля, «более половины всех славонских и турецких свиней колют и поедают в австрийских землях; остальных сбывают в Баварию, Францию и через Чехию поставляют в Саксонию»¹⁴.

Весьма неоднозначны отзывы о характере и деловых качествах сербов-иллиров. «Любовь к дикой свободе, привычка к безделию и склонность к неумеренному питию – природенные свойства иллира, – пишет Ф. Энгель. – А кроме того, еще и чрезмерная приверженность к дурным привычкам, каковые они выдают за религиозные обряды». Отмечая далее гостеприимность, взаимовыручку, бесстрашие и выносливость сербов, автор насчитывает гораздо больше пороков: «глубочайшее невежество, суеверие, знахарство, колдовство, пьянство, отсутствие трудолюбия, задиристость и склонность к грабежу». По мнению Таубе, «природная леность этого народа, особенно мужчин, такова... , что иллир не начнет работать, пока его к этому не вынудит голод», а кроме того, они «изворотливы, лукавы и умеют лицемерить». «И все-таки можно сказать, – делает вывод чиновник, – что по сравнению с хорватами и далматинцами они просто ангелы»¹⁵.

Оба автора поражаются, как далеко еще этой богатой земле до стандартов европейской цивилизации. По словам Таубе, эта дикая страна «существует без домов для убогих и престарелых, больниц и лазаретов, без исправительных домов и домов для сумасшедших, без гостиниц и сиротских приютов, без родильных домов и пожарных команд». Его удивляют жестокие наказания и примитивность судопроизводства, при котором «прокуроры и адвокаты поумирали бы с голоду». Дома славонцев «из-за грязи очень похожи на жилища американских (!) дикарей: всего одна комната, в которой не найдешь ни окон, ни зеркала, ни столов, стульев или лавки, ни кровати, ни печи». Со своими детьми, продолжает Таубе, иллиры не нежничают: «Каждый глава дома посылает детей пасти скот, такие дети и растут как скоты по лесам и пустошам... Дети каждый денькупаются в реках, а зимой целыми днями гоняются по снегу и льду безо всякой одежды за исключением легкой рубашки. Когда наполовину замерзшие и окоченевшие они приходят домой, мать дает им выпить ракии»¹⁶.

Граничары

И. Бартенштейн в своем «Кратком описании иллирийского народа» (1761 г.), написанном для будущего императора Иосифа II, отводил сербам не только роль живого щита против турок, но и надежного противовеса венгерскому сепаратизму. В начале XVIII в. сербские военные поселения образовали основу обороны границы с Османской империей, а затем граничарские полки составили половину численности вооруженных сил всей Австрии¹⁷. Побывавший в 1737 г. в Военной границе принц Саксен-Гильдбургхаузен так описал свои впечатления: «Везде я видел воинственный, храбрый народ, суровых безыскусных сыновей природы. Несмотря на плохую и простую пищу, они сплочены совместным трудом и общими стремлениями, тверды как дубы в лесах, отличаются высоким ростом и крепким телосложением, своенравны и дики, суеверны и преданы законам военной чести; они хорошо знакомы с опасностями войны и склонны к грабежам, которые считают наградой за свою храбрость»¹⁸.

В 1747 г. российский посол Л. Ланчинский впервые был приглашен на смотр граничарских полков в Вене, о чем рассказал в реляциях царице Елизавете Петровне: «Баталион состоял в 870 человек... Кашкеты (фуражки. – Ю.К.) имели кожанья черныя, с золоченными орлами, с черным же пером... Народ от большой части вельми крупен и силен. Мундир лазоровый да епанчи красныя, добрыя и обоюдное оружие изрядно ж». Пригласивший посла на смотр Саксен-Гильдбургхаузен, произведенный к этому времени в фельдмаршалы, по свидетельству Ланчинского, о граничарах был самого высокого мнения: «Нацию вельми хвалил, особливо в том, что с самого начала его команды ни один человек к неприятелю не дезертировал, а хотя-де которыя и отлучились, то в домы и деревни свои пришли, не пропали. Народ-де здоровый и маршируют скоро». Современники всегда подчеркивали высокие боевые способности граничар, которые, по словам посла, «проворнее немцев» и «никому пардону не дают, но всем, которые им в руки попаляся, головы отрубили, то очень мало пленных приведется»¹⁹.

Иностранцы отмечали и происходившие с граничарами изменения. По словам И. Бартенштейна, у сербов «меньше стало грубости, а среди их офицеров найдется немало таких, которые по умению держать себя в свете нисколько не уступают другим во всем, что касается учтивости и изысканности манер»²⁰.

Подробное описание особенностей граничарской службы было дано А.С. Кайсаровым и А.И. Тургеневым, посетившими Южную Венгрию в 1804 г. В дневнике А.С. Кайсарова говорится, что граничар должен «всякую седьмую неделю идти в караул на границу и быть там неделю, на часах стоять по 2 часа; должен иметь на свой щет мундир; когда бывает война, то берутся из трех один, а иногда из двух один; поселившись один раз в воен-

ном округе, не могут они его оставить; всякий из них, служащий и неслужащий, должен иметь длинные волосы; если отец стар, то посылает вместо себя служить сына; семействам делиться запрещено, иногда бывают по 70 человек в одном доме... Офицер здесь всё: и военный начальник, и судья гражданский». В свою очередь, А.И. Тургенев написал о том, что сербы на границе с Турцией «отправляют две гражданские совершенно различные должности: хлебопашца и солдата. Они, может быть, не одному австрийскому дому приносят важнейшую услугу, но всей Европе, предохраняя ее от турецкой язвы. Кордон сей или, лучше сказать, подвижная стена, протянут от самого Адриатического моря до другого конца австрийских владений. Им вместо жалованья дается земля, которую они сами и обрабатывать должны»²¹.

Русские о сербах

Впечатления русских путешественников от встречи с венгерскими сербами отличались неподвзятостью и искренней симпатией к своим единоверным братьям. Прошедший в 1724 г. всю Венгрию пешком русский паломник В.Г. Григорович-Барский записал в дневнике, что в Буде «православная сербская церковь и сербов много живущих». Здесь с ним случился любопытный казус: местные сербы «из-за одежды пельгримской» приняли его сначала за «папезиста» и не пускали на ночлег. Но когда узнали, что он и его спутники из России, оказали им радушный прием, а по указке архимандрита велено было «в местной церкви собравшемуся народу сложити нам милостыню, и даде кийждо по силе своей, и собрася нам мылостыня не мала»²².

Образ единоверной России-защитницы не утратил своей притягательности и позже. «Народ сей, – писал в 1781 г. обучавшийся в Пеште И. Фальковский, – простосердечный, веселый, храбрый и наипаче россиян любящий»²³. Русские путешественники неизменно отмечали большие надежды сербов на заступничество «восточного царя». В «Записках» 1864 г. о путешествии по славянским землям известный славист В.И. Ламанский рассказал об услышанной им сербской песне об осаде Вены 1683 г., из которой следовало, что победа над турками Европа обязана не Яну Собескому, а «москвою кралю»²⁴. На протяжении многих десятилетий можно проследить присутствие в сербской среде культа Петра I. Посетивший Фрушку Гору в 1878 г. русский славист В.В. Качановский обнаружил в монастыре Ремете большой портрет царя и записал широко распространенные у тамошних сербов предания о благодеяниях Петра, якобы случившихся во время его тайной поездки по сербским монастырям²⁵.

О фрушкогорских монастырях, «замечательных не столько древностью их основания, сколько нынешним устройством, значительностью находящихся в них библиотек и просвещением живущих в них иноков», с восхищением писал Н.И. Надеждин, бывший в 1841 г. проездом в Сремских Карловцах и окрестностях. «Здесь, – отмечал ученый, – находится средоточие духовной жизни для всех австрийских православных, в особенности для сербов; сюда стекается юношество со всех краев империи, ибо здесь находится полная гимназия, в которой впрочем науки преподаются на латинском и немецком языках, и главная архи-дieceзальная семинария»²⁶. В том же году более скептически настроенный И.И. Срезневский назвал фрушкогорские монастыри «менее или более богатыми», в которых «монахи живут, как коты в масле», «народ весел, поет и пьян», театр в Нови-Саде «вроде конного аттракциона», а «русские вещи ценятся и берегутся более всех других»²⁷.

Русских путешественников всегда поражали разумно спланированные и регулярно застроенные города, уютные крестьянские поселения с добротными домами, хозяйственными постройками, ухоженными полями, садами и виноградниками. Бросались в глаза необычная «латинская» архитектура здешних православных храмов и внешний вид духовенства. И. Фальковский записал в 1781 г.: «Сербские церкви во многих знатных Венгрии местах богаты, а извне наподобие католических выстроены». Описав одеяние сербских архиереев и священников, далекое от канонов русской церкви и похожее на «французское платье», он добавляет: «Среди головы у них великое кружало выголено скафейкою (бритвой. – Ю.К.) в подражание католикам, на которую шляпы или брила, но с двух сторон распущенные, надевают»²⁸. Посла Л. Ланчинского возмущало, что сербский патриарх Арсений IV и все его дворовые «зело охотно табак употребляют»²⁹. А побывавших в гостях у митрополита Стефана Стратимировича в Сремских Карловцах А.С. Кайсарова и А.И. Тургенева больше всего развеселил вид хозяина «с пудренною головою»³⁰.

Все это были приметы тех изменений, которые произошли с «европеизированными» сербами – единственным в своем роде осколком православного славянского мира, которому было уготовано судьбой в течение более чем двух столетий развиваться в русле западной (центральноевропейской) социальной, политической и культурной традиции.

Примечания

¹ Белешке доктора Брауна из српских земаља од године 1669 // Споменик Српске Краљевске Академије (ССКА). 1891. Бр. 9. С. 35-42.

- ² Gjorgjivić T.R. Putovanje Simona Klementa kroz severno-zapadne krajevi naše zemlje 1715 godine // Гласник Историјског друштва у Новом Саду (далее – ГИДНС). 1929. Књ. 2. Св. 2. С. 290.
- ³ Енглеz Јеремија Милс о својим путним белешкама 1736 о Хрватској, “Рашанима” и Мађарима // ГИДНС. 1935. Књ. 8. Св. 1. С. 100-101.
- ⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1869. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. 345.
- ⁵ Taube F.W. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien. Leipzig, 1777–1778. Bd. 1–3.
- ⁶ Енгл Ф.Ш. Опис краљевине Славоније и војводства Срема // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 1971–1974. Бр. 19–22.
- ⁷ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 2–4; Bd. 3. S. 48–54.
- ⁸ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 1. С. 117.
- ⁹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 28–38.
- ¹⁰ Ibid. S. 5–7.
- ¹¹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 19–23; Bd. 2. S. 22–24; Bd. 3. S. 54–57; Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 1. С. 120.
- ¹² Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 24–26.
- ¹³ Ibid. Bd. 1. S. 27–36; Bd. 2. S. 29–30, 93–98.
- ¹⁴ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 2. С. 333.
- ¹⁵ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 19. Св. 2. С. 308; Св. 3. С. 509; Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 64–65; Bd. 2. S. 17–18.
- ¹⁶ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 59; Bd. 2. S. 19, 88, 92; Bd. 3. S. 72–73.
- ¹⁷ См.: Костяшов Ю.В. Сербские граничары // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 140-145.
- ¹⁸ Цит. по: Семјан М. Историја крајишника и кућне задруге у ратној држави // Споменик Српске Академије наука и уметности. 1960. Бр. 108. С. 70.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 35, 37, 96 об.; Д. 4. Л. 408–409.
- ²⁰ Bartenstein J. Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation. Leipzig, 1802.S. 104–105.
- ²¹ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям // Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915. С. 43, 76.
- ²² Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока. Ч. 1. СПб., 1885. Ч. 1. С. 24–26.
- ²³ Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // ССКА. 1922. Бр. 53. С. 14.
- ²⁴ Ламанский В. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 22-23.
- ²⁵ Качановский В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. 1879. Октябрь. С. 17–19.
- ²⁶ Надеждин Н. Записка о путешествии по Южно-Славянским странам // Журнал Министерства народного просвещения. 1842. Ч. 34. № 4-6. Отд. II. С. 96.

²⁷ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 246–248, 262.

²⁸ Грађа за српску историју... С. 15–16.

²⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 441.

³⁰ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова... С. 36.